УДК 1.30 DOI: 10.24151/2409-1073-2019-4-94-101

Проблема деформирования образа коллективной идентичности в эпоху глобализации: особенности мировой и российской ситуаций

The problem of the collective identity`s deformation during the globalization: the peculiarities of the world and Russian situations

Л.В. Клепикова, Л.С. Абабилова

L.V. Klepikova, L.S. Ababilova

Российский университет транспорта (МИИТ)

Russian University of Transport (MIIT)

sevell1@rambler.ru

Статья посвящена исследованию проблемы идентичности, ее сохранения и трансформации в условиях глобализации и социальной мобильности. Особое внимание уделено социальной и культурной сторонам построения коллективной идентичности в современных условиях. Основное содержание статьи составляет анализ процесса конструирования коллективной идентичности в мировом контексте. Осуществляется сопоставление международной и российской ситуаций с целью выявления общих черт и особенностей, свойственных исключительно российской действительности. Делается вывод о том, что генерирование социальной идентичности является социальной нормой.

The article deals with the problem of identity, its preservation and its transformation in the context of the globalization and the social mobility. The special point is the social and cultural peculiarities of the contemporary identity`s creation. The main article`s goal is the analyse of the collective identity`s constructing in the world context. The world and Russian situations are being compared for the purpose to find the common features for both situations and the peculiarities that are typical just for the Russian realities. It is concluded that the making of the social identity is the social norm.

Ключевые слова: идентичность; глобализация; глобальный центр; культура; регион.

Keywords: identity; globalization; global centre; culture; region.

Проблема идентичности и ее сохранения является актуальным вопросом для современного общества. Его обсуждение происходит как в научной сфере, так и в политическом, социальном и медийном пространствах [5]. Стоит отметить, что идентичность зачастую выступает как очень многозначное понятие. Это вызвано тем, что идентичность может интерпретироваться как культурная, национальная, групповая и пр. По этой причине дискуссии вокруг данной проблемы рискуют приобрести политически ангажированный характер.

Вопрос об идентичности и ее природе представляет собой проблему, нуждающуюся в регулярном социально-философском анализе. Проблемами идентичности в разное время занимались такие авторы,

© Клепикова Л. В., Абабилова Л. С.

как Ю. Хабермас [6], К. Леви-Стросс [3], Э. Хобсбаум [8], С. Хантинтон [7] и многие другие [13] [18] [4]. Однако в данной статье мы считаем важным обратить внимание именно на необходимость постоянного социально-философского переосмысления проблемы идентичности. Нашу позицию мы обосновываем тем, что в условиях современной действительности основания, на которых еще несколько лет назад базировалось понимание коллективной идентичности, могут быть кардинальным образом изменены в кратчайшие сроки. Поэтому только регулярный социально-философский анализ способен, во-первых, дать максимально не-ангажированную и детальную характеристику этому явлению общественной жизни, во-вторых, выявить детерминанты появления данной социальной проблемы, в-третьих, сформулировать социокультурные противоречия, порождаемые ситуацией вокруг коллективной идентичности [2].

В рамках данной статьи мы постараемся рассмотреть следующие вопросы: Что подразумевает под собой коллективная идентичность? Почему вопрос о ней стал столь актуален для современного общества? Какова специфика российской ситуации? В чем ее схожесть и различия с мировой и общеевропейской?

Изучение идентичности в рамках российских реалий ставит исследователя перед рядом проблем. С одной стороны, он рискует потерять свою исследовательскую беспристрастность, так как дискуссия о коллективной идентичности порождает эмоциональную реакцию со стороны публичного и медийного пространств, по причине того, что данная дискуссия затрагивает вопросы о «потере» коллективной идентичности, ее «сохранении» и видоизменении. Как будет показано далее, данные вопросы тесно соприкасаются не только с идеологической, но и с социальной и экономической сферами жизни общества.

С другой стороны, нельзя не учитывать многозначность самого понятия «идентичность», так как, помимо коллективной, существует также и национальная идентичность. Несмотря на то, что данные понятия используются в разных смысловых качествах (например, при использовании «национальной идентичности» всегда будет сделан акцент на политическую или идеологическую составляющую), они, тем не менее, находятся в тесной смысловой взаимосвязи. В данной статье мы интерпретируем национальную идентичность как социальное явление, производное от коллективной идентичности.

Кроме того, следует отметить, что обсуждение проблемы о коллективной идентичности и ее роли в современном мире обязывает исследователя выделить конкретные временные рамки, в которых он намерен ее рассматривать.

Со своей стороны, мы считаем конструктивным подойти к рассмотрению вопроса о коллективной идентичности в современных российских реалиях сквозь призму встроенности этой проблемы в общеевропейский контекст. Данную позицию мы аргументируем тем, что современный мир и возникающие в нем причинно-следственные связи во многом (а иногда полностью) определяются глобализацией. Таким образом, современное развитие всех национальных обществ происходит путем воздействия ряда одинаковых факторов. Российская специфика формирования коллективной идентичности во многом определяется общеевропейской. Поэтому мы начнем анализ проблемы коллективной идентичности с ее изучения на мировом и общеевропейском уровнях, а затем перейдем к частному рассмотрению российской ситуации. Рациональность использования подобного дедуктивного подхода мы аргументируем следующим образом. Во-первых, мы должны избегать одностороннего взгляда на проблему, при котором существует риск интерпретировать большинство связанных с идентичностью конфликтов в современной России исключительно как следствие распада СССР. Не отрицая огромного влияния этого исторического события на современную российскую ситуацию, мы не рассматриваем ее в качестве единственного

катализатора современной дискуссии вокруг коллективной идентичности. Во-вторых, споры вокруг коллективной идентичности и ее природы являются камнем преткновения во многих западных и постсоциалистических странах (стоит заметить, что государства западного полушария также не являются исключениями в данном вопросе). Достаточно вспомнить политические дебаты о «крахе мультикультурализма» [16; 17]. Подобным образом, как и в России, эти споры влекут за собой эмоциональные реакции со стороны общества, его различных групп и представителей, становятся предметом политической борьбы.

Понятие идентичности (особенно когда речь идет о национальной идентичности) тесно связано с национальным государством, возникновение которого относится к XVIII — XIX вв., а также с социальными процессами, протекающими в его рамках [8]. Однако в контексте данной статьи в хронологическом плане целесообразно начать анализ с эпохи глобализации (последняя четверть XX века до нынешнего момента). Данный выбор мы обосновываем тем, что современная дискуссия о коллективной идентичности невозможна вне глобализационного дискурса.

Именно глобализация является процессом, обуславливающим не только специфику любых общественных тенденций, но и создающим многие из них. Современные результаты глобализационных процессов, изначально ассоциировавшихся в общественном сознании с модернизационной утопией о возникновении мирового общества, к сегодняшнему моменту наглядно свидетельствуют о том, что после исчезновения или размывания старых общественных структур, почти мгновенно были созданы новые, являющиеся не менее (а возможно более) замкнутыми.

В общих чертах можно сформулировать три черты глобализации в ее современном виде. Их значимость обоснована тем, что вызванные ими процессы пронизывают все сферы жизни современного общества. Это трансформация социальных связей, изменение значения национальных государств и культурно-политическое влияние мегаполисов мирового значения [15, S. 15]:

1. Изменение всех прежних связей (со страной, регионом, культурой, традициями) в результате появления транснационализма, буквально пронизавшего абсолютно все сферы как экономической, так и политической, общественной и духовной жизни. Глобализация обусловила нынешней облик и способ восприятия образа национальной культуры. В экономической сфере это проявляется в виде коммерсализации культуры, прежде всего в связи с увеличением туристических потоков [10]. В социо-политической сфере - на международном уровне конструируется общеузнаваемый образ национальной культуры, ассоциируемый с географическими достопримечательностями, предметами народного ремесла или даже гастрономией [20]. Указанные тенденции значительнее, чем могут показаться на первый взгляд. В связи с исчезновением и видоизменением прежних социальных связей коренным образом меняется структурная логика общества в целом. Кроме того, никогда нельзя упускать из внимания то, что *глобальное* задействовано не только в экономическом планировании, торговле и производстве, но и в развлекательной индустрии, искусстве, туризме, способах коммуникации и даже в науке. Перечисленные составляющие общественной жизни являются продуктами, произведенными обществом. В то же время они оказывают значительное воздействие на мировоззрение, жизненный уклад, а в дальнейшей перспективе и на способ структурирования общества в целом. Это может происходить на основании идеологии, доступности экономических и социальных благ для тех или иных групп или уровня мобильности этих групп.

2. Существенное сужение суверенитета и престижа национальных государств по причине усиливающегося воздействия на них экономических объектов. Это не означает окончательного снижения влияния государственных институтов и политических деятелей с последующим их исчезновением

в будущем. Однако политические институты, а также вся их деятельность в дальнейшем будет направлена на транснациональный уровень и зависима от процессов, вызванных транснационализмом.

3. Возрастание роли так называемых «глобальных городов» [14, p. 128] до транснациональных центров. Именно там задаются векторы для дальнейшего политического, экономического и культурного развития не только региона, где географически находится данный центр, но и для всего мира. На данной особенности необходимо остановиться более подробно, так как она напрямую связана с формированием нынешнего образа коллективной идентичности.

Одна из важнейших черт, определяющих глобальный центр, это миграционные потоки, стекающиеся в данный центр. Данная миграция носит диверсивный характер [19], потому что под определение мигрантов будут попадать весьма разнообразные социальные группы: а) трудовая миграция, б) индивиды, задействованные в деятельности международных корпораций, в) туристы; г) беженцы, д) творческая элита (актеры, музыканты, художники и т.д.) [14, p. 129—131]. При этом в массовом сознании и средствах массовой информации именно миграция фигурирует в роли универсальной проблемы, с помощью которой обосновывают все насущные конфликты, начиная от дефицита рабочих мест, роста преступности до разрушения культурной идентичности [12, S. 12]. Описанная социокультурная стигматизация, имеющая место в массовом сознании и популистских СМИ, приводит к тому, что миграция и связанные с ней общественные движения (например, стратегия мультикультурализма) позиционируются популистами как силы, чья деятельность в перспективе станет разрушительной для социума.

Описанное явление можно условно обозначить как «прогрессирующий культурный страх» [9]. Понятие было введено немецким историком и культурологом К. Ю. Баде с целью обозначить современную социальную фобию, заключающуюся в кризисе идентичности и неспособности более отождествить себя с культурой страны проживания. Если продолжить рассмотрение данной проблемы под этим углом, станет ясно, что миграция и глобальный центр как явления глобализации действительно представляют вызов для общества. Этот вызов обусловлен разрушением до-глобализационной, «контейнерной» парадигмы восприятия социума и окружающего мира, заключавшейся в том, что все политические, экономические, социальные и духовные процессы мыслились в рамках национального государства [15, S. 22].

Проблема заключается не только в деформировании национального самосознания. Дело в том, что «контейнерное» мировоззрение, самоидентификация индивидов с конкретным государственным образованием, не являлось чисто идеологическим продуктом. Данный тезис нуждается в разъяснении.

Глобализация внесла существенные коррективы в экономический ландшафт. Например, она повлекла за собой деиндустриализацию некоторых, ранее экономически высокоэксплуатируемых регионов посредством переноса заводов и предприятий в другие регионы (по причине финансовой выгоды). Как итог, идет обеднение одних областей одновременно с обогащением глобальных центров, так как именно туда стекаются прибыль и капитал. «Контейнерное» мировоззрение, самовосприятие себя и собственного бытия исключительно в национальных пределах, имело под собой реальную экономическую основу. Благополучие регионов, в настоящий момент попавших в «проигравшую» группу, некогда обусловливалось относительной экономической независимостью отдельно взятого государственного образования. Глобализация, повысившая темпы и объемы производства, в то же время также увеличила степень взаимной экономической зависимости областей, географически не принадлежащих к территории одного и того же государства.

Описанная ситуация способствует росту социальной неуверенности и напряженности. Глобальные центры также

представляют собой очаги зарождения многих социальных конфликтов и деструктивных течений, среди которых терроризм и популизм (во многом обуславливающие друг друга деструктивные социальные явления). В глобальные центры и экономически более успешные регионы постоянно идет приток населения. Таким образом, всё новые и новые социальные группы постоянно размывают и усложняют социокультурный состав этих областей. Причем проблемы коллективной идентичности отнюдь не стали неактуальными для указанных регионов. Напротив, в глобальных центрах на перманентной основе генерируются различные формы коллективной идентичности. Одним из самых показательных примеров таких форм является мультикультурализм. Он был «изобретён» в последней четверти XX века как своего рода мета-идентичность для пост-национального общества [15, S. 18]. Главное преимущество мультикультурализма должно было заключаться в том, что он, комбинируя в себе городскую смешанную культуру, способен «вбирать» в себя новые культурные идентичности, безотносительно их количества и степени «экзотичности».

Тем не менее, мультикультурализм, мыслившийся как основа для идеального общества, построенного на всеобщем принятии любых идентичностей и не имеющего границ, всё же имеет собственные границы. Границы, которые маркируют одни разновидности идентичностей и отделяют их от других идентичностей как «неприемлемых». Для урбанистического мультикультурализма в роли «неприемлемых» выступили изоляционистская, «почвенническая» и прочие виды идентичностей, которые, несмотря на свою деструктивность, существуют, реально формируют и направляют многие социальные процессы [11, S. 9].

Одновременно с этим, также складывается идентичность населения, оставшегося проживать в экономически «проигрывающих» или «проигравших» регионах. Имея негативные ассоциации относительно глобализации и мультикультурного урбанизма, данная идентичность строится по принципу антитезы городским, космополитичным ценностям [15, S. 18]. Ее атрибутами нередко выступают агрессивная настроенность по отношению к миграции, идеализация до-глобализационных времен или даже «почвенничество». При этом население из «проигрывающих» регионов постепенно перемещается в более успешные экономические области. Таким образом, возникает ситуация столкновения разных коллективных идентичностей, каждая из которых развивается и существует на основе отрицания другой.

Общественно-гуманитарная наука способна развенчать деструктивные экономические, социальные и культурные мифы, зародившиеся в лоне «неприемлемых» для урбанистических центров идентичностей. В частности, миф об всеобщем экономическом благополучии в до-глобализационную эпоху. Тем не менее, научная деятельность не может остановить источник формирования этих негативных мифов и оказывается в ситуации «замкнутого круга». Названный источник заключается в самой коллективной идентичности. Индивиды, объединенные в рамках определенной идентичности, будут непрерывно генерировать новые мифы. Причина этого кроется в следующем обстоятельстве.

Верно то, что глобализация спровоцировала размытие и деформацию старых идентичностей. Но верно и то, что коллективная идентичность – это не закрытое социальное формирование, она носит трансисторическую природу, проявляющуюся в том, что группы перманентно возникают, складываются и перестраиваются на основе культуры, религии, политических интересов и пр. [11, S. 7]. Особенность этих идентичностей – иллюзия того, что они основываются на чем-то «незыблемом». Любая критическая попытка внести конкретную ясность в любой постулат, провозглашаемой той или иной идентичностью, покажет его логическую несостоятельность. Однако коллективная идентичность всё время переосмысливается посредством символов, культурных артефактов и политических нарративов.

Таким образом, на место одной развенчанной наукой иллюзии почти сразу же возникнет другая, с помощью которой будет «обновлен» образ старой идентичности. Если же сделать это окажется невозможным, сгенерируется новый образ идентичности. Построение коллективной идентичности отвечает социальному стремлению каждого индивида к жизни в обществе, к «десингуляризации», преодолению своего одиночества [11, S. 14].

Глобализация ассоциируется с расширением и стиранием границ. В какой-то момент она, напротив, начинает устанавливать новые границы. В общественной сфере это ведет к ре-фигурации социальных пространств и границ. В связи с этим формируются новые коллективные идентичности, которые оказывают качественное воздействие на социальную реальность, в свою очередь также провоцируя переустройство или даже возникновение новых коллективных идентичностей. Поэтому, когда речь идет о проблеме коллективных идентичностей в эпоху глобализации, корректнее было бы говорить не о стремлении «старых» идентичностей к сохранению, а о генерировании «новых» коллективных идентичностей, которые будут искать в качестве своей основы некие «незыблемые» социо-исторические до-глобализационные основания.

Российскую ситуацию также характеризует новая диверсификация общества. С одной стороны, российское общество не существует в социальном вакууме. Наряду с другими обществами оно также встроено в мировые социальные процессы. С другой стороны, российское общество до сих пор переживает социальное переустройство, происходящее в связи с мощными социальными и политическими потрясениями, вызванными последствиями распада Советского Союза [1].

Одна из главных специфических черт коллективных идентичностей, бытующих в российских реалиях, заключается в том, что образ «незыблемого», представляющего первооснову для любой идентичности, выглядит недовершенным даже на уровне его изображения в массовом сознании. Дело в том, что распад СССР, помимо серьезных экономических и политических последствий, также имел значительные социальные последствия. В данном случае речь не об идеологической деформации, а коренной перестройке образа коллективной идентичности. После того, как стало невозможно отождествлять себя с советским обществом, возникло социальное новообразование, которое мы можем назвать российской коллективной идентичностью. По сути, это нормальная реакция общества, направленная на оперативную борьбу с социальной «сингуляризацией». На месте старой уже нежизнеспособной идентичности обязательно должна была возникнуть новая идентичность. Одновременно при естественном столкновении с духовными последствиями глобализации в обществе рождаются алармистские настроения, страх утраты идентичности, выполняющей важную защитную функцию. При подобном социальном раскладе российская коллективная идентичность начинает выступать как гипертрофированная величина, когда ее интерпретируют, с одной стороны, как безусловную панацею ото всех социальных опасностей, а, с другой стороны, как воплощение исключительно маргинализаторских общественных тенденций.

Образ любой коллективной идентичности базируется на определенном наборе социальных мифов. В случае «развенчания» одного из этих мифов социально нормальным является то, что коллективная идентичность сразу же будет переформирована, что обеспечит ей обновление и дальнейшее социальное существование. Однако особенность российского конфликта коллективных идентичностей имеет, во-первых, внешнюю, во-вторых, внутреннюю стороны. Если внешняя сторона связана, прежде всего, с необратимыми глобализационными процессами и экономической перестройкой, затронувшей весь мир; то внутренняя сторона затрагивает сугубо внутрироссийскую ситуацию. Накладываются два фактора, один из которых состоит в многонациональном демографическом ландшафте России, делающим любые нарративы

о единой национальной идентичности провокационными. Второй фактор базируется на экономической ситуации в стране, где в роли экономически благоприятного центра выступает, главным образом, столица. Данная ситуация создает напряженную обстановку, напоминающую взаимодействие между населением «проигравших» и «успешных» регионов на мировом уровне. Разница лишь в том, что выстраивание границ коллективной идентичности населения остальных российских регионов потенциально может происходить на основании обособления от абстрактного образа космополитизированного обеспеченного столичного жителя.

Коллективная идентичность выполняет важную социальную функцию, заключающуюся в защите каждого индивида от личностной изолированности, создании у него ощущения принадлежности к коллективу. Особенностью современной ситуации является высокий уровень пластичности образа коллективной идентичности, а также перманентное изменение социальных мифов, лежащих в ее основе. В связи с этим в общественном сознании возникает иллюзия «исчезновения» или «размывания» коллективной идентичности, в то время, как полное ее исчезновение физически невозможно, так как без коллективной идентичности нереально само существование общества. Специфика российской ситуации заключается в том, что российская коллективная идентичности формируется под воздействием двух сил. Во-первых, это глобализация и последствия ее влияния. Во-вторых, российская коллективная идентичность также является социальным новообразованием, результатом политических, экономических и идеологических последствий формирования нового постсоветского общества. Не успевая сформироваться, новый образ коллективной идентичности оказывается в состоянии перманентного изменения, что, с одной стороны, абсолютно нормально с точки зрения мировой ситуации, но, с другой стороны, влечет за собой социальную тревожность и иллюзию окончательной потери коллективной идентичности.

Литература

1. Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т.IV. С.255 – 281.
2. Беркут В.П. Социально-философский анализ в методологии научного познания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 1. С. 14-23.
3. Леви-Стросс К. Раса и история // Электронная библиотека. ModernLib.Ru. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/levistross_klod/rasa_i_istoriya/read/ (дата обращения: 19.11.19)
4. Мухлынкина Ю.В. К вопросу формирования этнической идентичности // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2015. № 215 (5). С. 27-33.
5. Федотова Н.Н. Глобализация и изучение идентичности // Гуманитарные науки: теория и методология. 2011. №1. С.72 – 80.
6. Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк: Донбасс, 1999. 252 с.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
8. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 119 с.
9. Bade K.J. Von Unworten zu Untaten. Kulturängste, Populismus und politische Feindbilder in der deutschen Migrations- und Asyldiskussion zwischen, ‘Gastarbeiterfrage‘ und ‚Flüchtlingskrise‘ // IMIS Beiträge 48/2016. S. 35–127.
10. Comaroff J.L., Comaroff J. Ethnicity, Inc. Chicago: University of Chicago Press, 2009. 234 p.
11. Delitz H. Kollektive Identitäten. Bielefeld: Transcript Verlag, 2018. 160 S.
12. Foroutan N. Die postmigrantische Gesellschaft. Ein Versprechen der pluralen Demokratie. Bielefeld: Transcript Verlag, 2019. 280 S.
13. Hall S. Der Westen und der Rest. // S. Hall. Rassismus und kulturelle Identität. Ausgewählte Schriften 2. Hamburg: Argument-Verlag, 1994. S.137 - 179.
14. Hannerz U. Transnational Connections. Culture, People, Places. London and New York: Routledge, 2000. 216 p.
15. Koppetsch C. Die Gesellschaft des Zorns. Rechtspopulismus im globalen Zeitalter. Bielefeld: Transcript Verlag, 2019. 288 S.
16. Malik K. Multikulturalismus ist gescheitert. Aber Homogenität und Assimilation sind keine Alternativen // Internationale Politik und Gesellschaft: Offizielle Homepage. URL: https://www.ipg-journal.de/rubriken/soziale-demokratie/artikel/multikulturalismus-ist-gescheitert-834/ (дата обращения: 19.11.2019).
17. Merkel: “Multikulturalismus ist gescheitert” // ScienceFiles. Kritische Sozialwissenschaften: Offizielle Homepage. URL: https://sciencefiles.org/2019/10/21/merkel-multikulturalismus-ist-gescheitert/ (дата обращения: 19.11.2019).
18. Scherle N. Kulturelle Geographien der Vielfalt.

Von der Macht der Differenzen zu einer Logik der Diversität. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2016. – 296 S.

19. Vertovec S. Super-diversity and its implications // S. Vertovec. Anthropology of Migration and Multiculturalism. Routledge. 2010. p.1024-1054.

20. Wilk R. Home Cooking in the Global Village. Caribbean Food from Buccaneers to Ecotourists. Oxford: Bloomsbury Academic, 2006. 288 p.

Поступила 01.10.2019

Клепикова Любовь Владимировна — аспирант кафедры «Философия, социология и история», Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия, sevell1@rambler.ru

Абабилова Людмила Стефановна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и культурология», Российский университет транспорта (МИИТ); miitphilcul@mail.ru

References

1. Astaf'eva O.N. Restrukturizacija i demarkacija kollektivnyh identichnostej v uslovijah globalizacii: budushhee nacional'no-kul'turnoj identichnosti // Voprosy social'noj teorii. 2010. T.IV. S.255 – 281.

2. Berkut V.P. Social'no-filosofskij analiz v metodologii nauchnogo poznanija // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2016. № 1. S. 14-23.

3. Levi-Stross K. Rasa i istorija // Jelektronnaja biblioteka. ModernLib.Ru. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://modernlib.ru/books/levistross_klod/rasa_i_istoriya/read/ (data obrashhenija: 19.11.19)

4. Muhlynkina Ju.V. K voprosu formirovanija jetnicheskoj identichnosti // Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta grazhdanskoj aviacii. 2015. № 215 (5). S. 27-33.

5. Fedotova N.N. Globalizacija i izuchenie identichnosti // Gumanitarnye nauki: teorija i metodologija. 2011. №1. S.72 – 80.

6. Habermas Ju. V poiskah nacional'noj identichnosti. Filosofskie i politicheskie stat'i. Doneck: Donbass, 1999. 252 s.

7. Hantington S. Stolknovenie civilizacij. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 603 s.

8. Hobsbaum Je. Nacii i nacionalizm posle 1780 g. SPb.: Aletejja, 1998. 119 s.

9. Bade K.J. Von Unworten zu Untaten. Kulturängste, Populismus und politische Feindbilder in der deutschen Migrations- und Asyldiskussion zwischen, 'Gastarbeiterfrage' und ‚Flüchtlingskrise' // IMIS Beiträge 48/2016. S. 35–127.

10. Comaroff J.L., Comaroff J. Ethnicity, Inc. Chicago: University of Chicago Press, 2009. 234 p.

11. Delitz H. Kollektive Identitäten. Bielefeld: Transcript Verlag, 2018. 160 S.

12. Foroutan N. Die postmigrantische Gesellschaft. Ein Versprechen der pluralen Demokratie. Bielefeld: Transcript Verlag, 2019. 280 S.

13. Hall S. Der Westen und der Rest. // S. Hall. Rassismus und kulturelle Identität. Ausgewählte Schriften 2. Hamburg: Argument-Verlag, 1994. S.137 - 179.

14. Hannerz U. Transnational Connections. Culture, People, Places. London and New York: Routledge, 2000. 216 p.

15. Koppetsch C. Die Gesellschaft des Zorns. Rechtspopulismus im globalen Zeitalter. Bielefeld: Transcript Verlag, 2019. 288 S.

16. Malik K. Multikulturalismus ist gescheitert. Aber Homogenität und Assimilation sind keine Alternativen // Internationale Politik und Gesellschaft: Offizielle Homepage. URL: https://www.ipg-journal.de/rubriken/soziale-demokratie/artikel/multikulturalismus-ist-gescheitert-834/ (data obrashhenija: 19.11.2019).

17. Merkel: "Multikulturalismus ist gescheitert" // ScienceFiles. Kritische Sozialwissenschaften: Offizielle Homepage. URL: https://sciencefiles.org/2019/10/21/merkel-multikulturalismus-ist-gescheitert/ (data obrashhenija: 19.11.2019).

18. Scherle N. Kulturelle Geographien der Vielfalt. Von der Macht der Differenzen zu einer Logik der Diversität. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2016. – 296 S.

19. Vertovec S. Super-diversity and its implications // S. Vertovec. Anthropology of Migration and Multiculturalism. Routledge. 2010. p.1024-1054.

20. Wilk R. Home Cooking in the Global Village. Caribbean Food from Buccaneers to Ecotourists. Oxford: Bloomsbury Academic, 2006. 288 p.

Submitted 01.10.2019

Klepikova Liubov V., Postgraduate student, chair «Philosophy, sociology and history», Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia, sevell1@rambler.ru

Ababilova Lyudmila S., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the chair «Philosophy and cultural studies», Russian University of Transport (MIIT); miitphilcul@mail.ru